

В «Городок» на самокате с мотором

Стоянов и Олейников знают, как рассмешишь Россию

*Общая газ. - 2000 -
21-27 сент. - с. 6.*

...НА ПУСТОЙ Дворцовой площади сублинный гражданин, похожий на вождя революции, кутается в теплый зипун и натягивает на голову меховую ушанку, а долговязый субъект, похожий на автора романа «Мать», на берегу великой русской реки раздевается до кальсон и натальной рубахи.

Смешно? Не очень. Но вот за кадром звучат всего две фразы: «Ленин в зимнем» и «Горький в нижнем», и происходит эффект петарды: зрители по эту сторону экрана буквально падают со стульев от хохота.

Природа смешного, комичного, казалось бы, изучена вдоль и поперек, и все-таки каждый раз, когда актерам вкупе с авторами реприз удаётся нас рассмешить вот так, до колик, возникает ощущение чуда. Особенно в жизни, не слишком-то богатой радостью, как у российского телезрителя.

«Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок...» — вслед за первыми тактами музыкальной темы на телеэкране появляется Юрий Стоянов с Ильей Олейниковым, и, как говорил Аркадий Райкин, уже смешно.

— Как вы этого достигаете? — спрашиваю главных героев «Городка».

— А мы всегда ставим себя на место зрителя, — говорит Юрий Стоянов. — Вот сидит за столом семья, смотрит наш «Городок». Прожит еще один день. Этот день в этой стране. Над чем они готовы посмеяться в конце такого дня?..

— Знаете, я учился этому у Товстоногова, когда работал в БДТ. Он обладал фантастическим умением прогнозировать реакцию зрителя...

Несомненно, Стоянов говорит о важных вещах, но секрет успеха так и остается секретом. В чем загадка?

— Может, в том, что мы родились в один день? — высказывает смелое предположение Илья Олейников. — Правда, с разницей в десять лет.

В подвале на Фонтанке, где существует известный всей стране «Городок», царит атмосфера веселого сюрра. Кроткий Олейников, в чьих глазах плещется тысячелетняя тоска всех его гонимых предков, словно Моисей по пустыне, долго водит меня по извилистым коридорам студии в поисках тихого уголка. Но нас везде неотвратимо настигает громкий голос Стоянова, раздающего последние «цу» персоналу.

— Завтра трудный день: с утра «Штанга», потом «Скакалка» и «Изнасилование». Закупите побольше йогуртов, а то не выдержу.

Речь об очередном — «олимпийском» — выпуске городка. Все происходит здесь — репетиции, монтаж.

— А сценарий? Тексты, реплики тоже пишутся на Фонтанке?

— Скорее, на Большом Фонтане.

— ?!

— Большой Фонтан, Одесса. Сценарии пишутся в Одессе.

— Кем?

— Есть такие люди: Владимир Трухнин и Ирина Полторацкая.

— Профессиональные литераторы?

— Скорее, профессиональные остряки и просто парадоксально мыслящие люди. Половина моих гонимых, — жалуется Стоянов, — уходит на телефонные разговоры с ними: ругаемся, передушиваем, спорим.

— И, наверное, хохочете? Тексты-то смешные.

— Хохочем? Что вы! Никогда.

Читаю сценарий и убеждаюсь: Стоянов прав. Реплики «работают» лишь в соединении с этой необычайной, по-своему уникальной (это их собственная само-

оценка) актерской парой. В их устах даже нехитрая реклама «Каждый человек имеет «Браво» на труд!» запоминается навечно.

История сцены, цирковой, эстрадной, знает немало пар: Бим и Бом, Пат и Паташон... Юрий Никулин и Михаил Шуйдин, наконец. Почему же Стоянов и Олейников так настаивают на собственной уникальности?

— Начнем с того, что мы похожи: ростом и комплекцией почти одинаковые, а по законам жанра должны различаться. И — различаемся. А вот как нам это удается — секрет.

— И он уйдет в могилу вместе со Стояновым, — торжественно добавляет Олейников. — Мы впервые встретились, когда мне было за сорок, а Юре за тридцать. Сначала просто дружили. Потом снимались в «Анекдотах от Адама» у Кирилла Набутова, а уж после решили делать свою передачу.

— И здесь случилось поразительное. У каждого из нас, как у всякого актера, был свой актерский потолок, но когда мы с Ильей начали работать вместе, потолок этот вдруг «поехал», и теперь над нами...

— ...только небо?

— Да, только небо! Не всегда, правда, в алмазах.

— Грех жаловаться: вы удостоены премии «ТЭФИ»...

— Что никак не изменило нашу жизнь. Юра вообще старается похвал не слышать.

— Да, мне это вредно. Хула куда продуктивней.

«Городок», как известно, выходит на РТР, но ОРТ не раз пыталось переменить «городковцев» к себе.

— Как же вы устояли?

— А мы с РТР любим друг друга. Здесь, правда, тоже бардак, но уже знакомый.

— Как в том анекдоте: «Разве это организация? Это же бардак! Вот у меня в Одессе был бардак, так это была организация!»

— А на ОРТ, если тебя захотят сожрать, ты даже не успеешь почувствовать, что уже съеден.

Двадцать восемь игровых минут живет на экране «Городок», демонстрируя зрителям до 18 различных сюжетов, составляющих своего рода кино, где Стоянов и Олейников играют иногда по 14 ролей в предлагаемых обстоятельствах. Одно из таких «предлагаемых обстоятельств» стоит до поры до времени в подвальном углу на Фонтанке.

— Вот! — горло демонстрирует его Юрий Стоянов.

— Что это?

— Самокат с мотором. В Америке купил!

— Если самокат, то зачем с мотором?

— В этом-то вся и соль!

Если вы смотрите «Городок», наверняка узнаете однажды, в чем там соль. Стоянов-то знает — ему уже смешно.

Татьяна ПОЗНЯК